

18+

Юрий Драздов

**Манакоп.
Арка 4**

Юрий Драздов
Манакоп. Арка 4

«Издательские решения»

Драздов Ю.

Манакоп. Арка 4 / Ю. Драздов — «Издательские решения»,

Преследуемый Системой и Отделом внутренних расследований, бывший инквизитор Кай находит убежище в Нулевом Квартале — месте, стёртом из реальности. Глава Секты Ноль открывает ему «философию пустоты»: магия — не товар, а живой фон. Чтобы активировать «Предохранитель» и освободить людей, Кай должен пройти Барьер Первого Слова, ответив на главный вопрос: чем он готов пожертвовать? Смерть — не ответ. Лишь отказ от собственной свободы откроет путь к ядру Системы.

© Драздов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 19: Хирурги	6
Глава 20: Голые руки	22
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Манакон. Арка 4

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-1661-2 (т. 4)

ISBN 978-5-0070-0543-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 19: Хирурги

1

Кай проснулся от ощущения, что на него смотрят.

Это было не то тревожное, липкое чувство опасности, которое он научился распознавать за четыре года патрулей по самым гиблым районам Воронки — когда воздух вдруг становится плотнее, а тени в переулках начинают двигаться сами по себе. Нет, это было что-то другое. Что-то более тонкое, почти незаметное, как едва уловимый запах гари, который предшествует пожару, но ещё не переходит в дым. Он лежал на старом матрасе в углу убежища, укрывшись рваным одеялом, и смотрел в темноту, пытаясь понять, что именно его разбудило. Шнырь, свернувшийся калачиком у дальней стены, тихо посапывал во сне — его дыхание было ровным и безмятежным, как у ребёнка, который никогда не видел Теневых Стражей и не знал, что такое штраф за неавторизованное тепло. Грегор, которому Кай уступил свой матрас, лежал с закрытыми глазами, но его лицо, даже во сне, было напряжённым — старый инквизитор, казалось, продолжал сражаться с врагами, которых уже давно не существовало в физическом мире, но которые всё ещё жили в его памяти. Лина, склонившаяся над портативным монитором в углу, подняла голову и посмотрела на Кая. Её красная линза, заменявшая правый глаз, тихо зажужжала, фокусируясь.

— Ты тоже это чувствуешь? — спросила она шёпотом.

Кай не ответил. Он сел на матрасе, прислушиваясь. Тишина в подвале была глубокая и вязкая, как вода в заброшенном коллекторе, — та самая тишина, которая наступает после боя, когда адреналин уже схлынул, а мышцы всё ещё ноют от перенапряжения. Но в этой тишине было что-то инородное. Что-то, чего не должно было быть. Как будто сама структура воздуха изменилась — стала плотнее, тяжелее, словно перед грозой.

А потом раздался стук.

Кай вздрогнул. Этот звук был настолько чуждым, настолько неожиданным в их подвальной убежище, что его мозг потратил несколько драгоценных секунд, чтобы идентифицировать его. Стук повторился — на этот раз громче, настойчивее. Три размеренных удара, за которыми последовала пауза. Не условный стук Шныря — три быстрых, два медленных, — и не тяжёлый кулак Грегора, которым старик обычно возвещал о своём приходе. Этот стук был официальным. Требовательным. Таким, который не предполагал отказа.

Кай поднялся на ноги. Его рука машинально скользнула к поясу, где обычно висел шокер, но пальцы сомкнулись на пустоте. «Жезл Правосудия» лежал на стойке со снаряжением, в нескольких шагах от матраса. Он потянулся за ним, но Лина остановила его движением механической руки.

— Не открывай, — прошептала она. — Кто бы это ни был, он знает, где мы находимся. Значит, у него есть ордер. Или доступ к Системе слежения. В любом случае, если они хотели нас убить, они бы уже взорвали дверь.

Стук повторился в третий раз. Теперь к нему добавился голос — мужской, сухой и лишённый каких-либо эмоций:

— Инспектор Кай, идентификатор аннулирован. Откройте дверь. Это Отдел внутренних расследований. У нас есть предписание на проверку снаряжения. Соппротивление будет расценено как подтверждение виновности по статье 7-С Регламента.

Кай переглянулся с Линой. Статья 7-С. «Препятствование работе уполномоченных сотрудников Системы». Наказание — вплоть до дематериализации без права обжалования. Он знал эту статью наизусть — она была одной из тех, которые инквизиторы зачитывали нарушителям, когда те пытались забаррикадироваться в своих квартирах или сбежать через чёрный ход. И теперь эта же статья была обращена против него.

Он подошёл к двери и открыл её.

На пороге стояли двое.

Первый был высоким, даже выше Грегора, и тощим, как скелет, обтянутый серой кожей. Его плащ — идеально выглаженный, без единого пятнышка, — был того же оттенка, что и бетонные стены промзоны за его спиной. На груди, чуть выше сердца, красовалась эмблема, которую Кай никогда не видел раньше: «Всевидящее Око», символ Системы, но перечёркнутое тонкой вертикальной линией. Не горизонтальной — как знак запрета, — а вертикальной. Как будто глаз был рассечён надвое. Под эмблемой — серебряная табличка с гравировкой: «Агент Фрост. Отдел Внутренних Расследований. Уровень доступа: 9-А». Его лицо было лишено какого-либо выражения. Глаза — светлые, почти бесцветные, как замёрзшая вода — смотрели не на Кая, а сквозь него, словно он уже был не человеком, а просто ещё одним пунктом в списке дел, которые нужно было обработать до конца смены.

Второй был ниже ростом, но шире в плечах. Его плащ сидел на нём не так идеально — одна пуговица была расстёгнута, а на воротнике виднелось крошечное пятнышко, происхождение которого Кай предпочёл не угадывать. Но его лицо — круглое, почти добродушное, с маленькими глазками, которые прятались за толстыми линзами очков, — излучало нечто гораздо более опасное, чем холодность его напарника. Оно излучало участие. Фальшивое, приторное, отрепетированное участие, которое говорило: «Я здесь, чтобы помочь тебе, сынок. Тебе нечего бояться. Просто расскажи мне всё, и всё будет хорошо». Эмблема на его груди была такой же, как у Фроста, а табличка гласила: «Агент Векслер. Отдел Внутренних Расследований. Уровень доступа: 9-А».

— Доброе утро, инспектор, — произнёс Векслер, и его голос был таким же приторным, как и его улыбка. — Прошу прощения за столь ранний визит. Мы понимаем, что у вас была... тяжёлая ночь. Но процедура есть процедура. — Он развёл руками, словно извиняясь за доставленные неудобства. — Все инквизиторы сектора, включая временно отстранённых и находящихся под следствием, обязаны пройти внеплановую проверку снаряжения. Приказ Верховных Судей. Ничего личного.

— Проверку снаряжения? — переспросил Кай, не двигаясь с места. — Мой аккаунт аннулирован. Я больше не являюсь инквизитором. Ваш приказ на меня не распространяется.

Векслер улыбнулся ещё шире. Его очки блеснули в тусклом свете свечи, горевшей внутри убежища.

— О, инспектор, вы ошибаетесь. Приказ распространяется на всех, кто когда-либо имел доступ к служебному планшету и табельному оружию. Независимо от текущего статуса. Видите ли, — он наклонился чуть ближе, понижая голос до доверительного шёпота, — в городе эпидемия. Вирус. Вы же знаете про вирус, инспектор? Тот самый, который поражает пиратские свитки, сбоит в интерфейсах, нарушает стабильность протоколов. Департамент обеспокоен. Очень обеспокоен. Мы должны убедиться, что ваше снаряжение... чистое.

Кай почувствовал, как внутри него нарастает холод. Они знали. Знали про вирус в его планшете. Знали, что он стал оружием. Знали, что именно этот вирус помог ему отключить «Монахов» на заводе, нейтрализовать Корвуса, проникнуть в Центральный Узел. И теперь они пришли за ним — не с оружием, не с «Палачами», а с бумагами, протоколами и улыбками. Пришли, чтобы изъять единственное, что давало ему шанс в этой войне.

— Мы также были бы признательны, — продолжил Векслер, — если бы вы позволили нам провести краткую беседу. В неформальной обстановке. Чисто для протокола. Вы же понимаете — после всего, что случилось на заводе, у Отдела внутренних расследований есть... вопросы. Ничего серьёзного, уверяю вас. Просто рутинная проверка.

Фрост, всё это время стоявший молча, сделал шаг вперёд. Его движение было плавным, почти механическим — как у автомата, который следует заложенной программе. Он не смотрел на Кая. Он смотрел в глубину убежища, туда, где на стойке лежал шокер, а рядом с ним — планшет.

— Снаряжение, — произнёс он. Его голос был сухим и безжизненным, как шелест осенних листьев. — Немедленно.

Кай не двинулся с места. Он стоял в дверном проёме, загораживая собой вход, и смотрел на этих двоих — на Фроста с его рыбьими глазами и на Векслера с его фальшивой улыбкой, — и внутри него боролись два желания. Первое — подчиниться. Отдать планшет, отдать шокер, пойти с ними на беседу и отвечать на вопросы, надеясь, что ложь, которую он придумает, окажется достаточно убедительной. Это был бы разумный путь. Путь выживания. Второе — захлопнуть дверь перед их лицами, схватить шокер и прорываться с боем. Убить двоих агентов ОВР, а потом бежать — бежать без оглядки, пока Варн не бросил на него всех «Палачей», какие у него были. Это был бы путь воина. Путь, который избрал бы Грегор тридцать лет назад.

Но Кай не был Грегором. И он не был тем наивным инквизитором, который четыре года патрулировал Седьмой сектор, выписывая штрафы старухам и не задавая вопросов. Он был кем-то другим — кем-то, кто прошёл через рейд на завод, через подземелье библиотеки, через Центральный Узел и через откровения Создателей. Он был наследником Эйдана Вэллса. И он знал, что иногда единственный способ выиграть битву — не принимать её.

Он отступил в сторону, пропуская агентов внутрь.

— Хороший выбор, инспектор, — произнёс Векслер, проходя мимо него. — Очень хороший выбор.

Подвал, ещё несколько минут назад бывший убежищем, превратился в место преступления.

Кай стоял, прижавшись спиной к холодной бетонной стене, и смотрел, как агенты ОВР методично обходят помещение. Их движения были отточенными, почти хореографическими — Фрост двигался вдоль стен, сканируя пространство каким-то прибором, который он держал в левой руке (изящная стеклянная сфера, внутри которой вращались крошечные руны; она тихо гудела, и с каждым её оборотом Кай чувствовал, как воздух становится плотнее), а Векслер, не торопясь, осматривал снаряжение. Он подошёл к стойке, где лежали шокер, планшет и амулет Грегора, и склонился над ними с выражением, которое можно было бы принять за любопытство, если бы не полное отсутствие какого-либо человеческого тепла в его глазах.

Шнырь, разбуженный вторжением, сидел на своём матрасе, обхватив колени руками. Его лицо, обычно живое и насмешливое, сейчас было бледным и напряжённым. Он не произносил ни слова, но его глаза, горевшие лихорадочным огнём, следили за каждым движением агентов с выражением, которое Кай хорошо знал. Страх. Не за себя — за «господина инквизитора». За человека, который стал ему почти отцом. Грегор, лежавший на матрасе в углу, даже не открыл глаз. Его дыхание было ровным и спокойным, но Кай видел, как напряжены его челюсти. Старый инквизитор не спал. Он ждал. Ждал момента, когда нужно будет действовать.

Лина стояла рядом с Каем, скрестив руки на груди. Её механическая рука, скрытая под рукавом плаща, тихо гудела — она перевела её в боевой режим на случай, если агенты решат применить силу. Кай чувствовал её напряжение, почти осязаемое, как электрический заряд перед грозой. Он знал, что Лина тоже просчитывает варианты: если начнётся бой, её протез мог выстрелить электромагнитным импульсом достаточно мощным, чтобы вырубить обоих агентов на несколько секунд. Этого хватило бы, чтобы схватить оружие и уйти. Но что потом? Они стали бы убийцами сотрудников ОВР. За ними началась бы охота по всему городу. И тогда всё — свиток, исходный код, план по спасению «активов» — пошло бы прахом.

Векслер, словно почувствовав их напряжение, повернулся и одарил Кая очередной улыбкой.

— Не волнуйтесь, инспектор. Это чисто формальная процедура. Ваше снаряжение будет проверено в лаборатории Отдела на предмет заражения вирусными программами или несанкционированными модификациями. Если всё чисто — а я уверен, что так оно и есть, — мы вернём его в течение суток. Может быть, двух. — Он помолчал, и его улыбка стала чуть шире. — Конечно, если проверка выявит нарушения... что ж, тогда мы будем вынуждены провести более глубокое расследование. Но я уверен, что до этого не дойдёт. Вы же законопослушный гражданин, инспектор? Несмотря на временные... э-э-э... трудности с аккаунтом.

Кай не ответил. Он смотрел на то, как Фрост, закончив сканирование стен, подошёл к стойке и начал упаковывать его снаряжение. Шокер «Жезл Правосудия» — тот самый, с которым он прошёл четыре года патрулей, — был аккуратно помещён в кофр, выложенный изнутри каким-то материалом, который поглощал магические эманации. Кай видел такие кофры только однажды — в учебных материалах Академии, где рассказывали о транспортировке особо опасных артефактов. Обычно их использовали для перевозки «Плакальчиков» высоких уровней. То, что его шокер удостоился такой же упаковки, говорило о многом. ОВР знало. ЗНАЛО.

А потом Фрост взял в руки планшет.

Кай почувствовал, как его сердце пропустило удар. Это была не просто потеря оружия. Это была потеря связи — связи с вирусом, который стал частью его интерфейса, частью его сознания, частью его самого. Вирус, который он подхватил в подворотне 14-го блока несколько недель назад, был не просто программой. Он был симбионтом. Он жил внутри операционной системы планшета, питаясь сырой маной, которую Кай встречал во время патрулей. Он научился взаимодействовать с протоколами Системы, обходить их, переписывать их код. Он был оружием — возможно, единственным оружием, способным противостоять и «Плакальщикам» Архивариуса, и дебаффам Департамента, и даже протоколу «Мёртвая голова». И теперь этот вирус, это оружие, этот симбионт уходил из его рук. Уходил в серый кофр, который Фрост застегнул с тихим, окончательным щелчком.

Кай невольно сделал шаг вперёд. Его рука дёрнулась — чисто рефлекторное движение, которое он не успел подавить. Фрост поднял голову и посмотрел на него. Впервые за всё время его взгляд — холодный, бесцветный, лишённый каких-либо эмоций — встретился со взглядом Кая. И в этом взгляде было что-то, отчего у Кая похолодело внутри. Не угроза. Не предупреждение. А что-то другое — что-то, похожее на... узнавание? Понимание? Как будто Фрост смотрел не на изгоя, не на бывшего инквизитора, не на нарушителя. А на равного. Или, может быть, на дичь.

— Инспектор, — произнёс Фрост своим сухим, бесцветным голосом. — Один совет. Не пытайтесь скрыть то, что уже найдено.

Он положил кофр с планшетом в сумку, висевшую на плече, и застегнул её. Затем вернулся и вышел из убежища, не проронив больше ни слова.

Векслер, всё ещё стоявший у стойки со снаряжением, проводил напарника взглядом и снова повернулся к Каю. Его улыбка стала чуть менее широкой, но всё ещё сохраняла ту приторную сладость, от которой у Кая сводило скулы.

— Не обращайтесь внимания на Фроста. Он всегда такой. Работа накладывает отпечаток. — Векслер поправил очки и достал из внутреннего кармана плаща тонкую картонную папку. — А теперь, инспектор, если вы не возражаете, я бы хотел задать вам несколько вопросов. Не здесь, конечно. В участке. В более... формальной обстановке. Это не вопрос, — добавил он поспешно, заметив, как напрягся Кай. — Просто беседа. Чисто для протокола. Мы должны прояснить некоторые детали вашего рейда на завод сельскохозяйственного машиностроения. Вы же понимаете — Департамент должен отчитаться перед Верховными Судьями. Бюрократия, ничего не поделаешь.

Кай смотрел на него и думал о том, что каждое слово, произнесённое этим человеком, было ложью. Не прямой, не грубой — а тонкой, изящной, обёрнутой в обёртку из вежливости и участия. Ложью, которая была опаснее любого шокера. Потому что от шокера можно было увернуться. А от лжи ОВР — нет.

— Я пойду с вами, — сказал он наконец. — Но мои люди останутся здесь. И если с ними что-то случится, пока меня не будет...

— Что вы, инспектор! — Векслер всплеснул руками. — Мы не гестапо. Мы — Отдел внутренних расследований. Наша задача — защищать честных сотрудников Системы, а не преследовать их. Ваши друзья в полной безопасности. Даю вам слово.

Кай не поверил ни единому слову. Но выбора не было.

— Лина, — сказал он, не оборачиваясь. — Присмотри за Шнырём. И за Грегором. Если я не вернусь через шесть часов...

— Ты вернёшься, — перебила его Лина. Её голос, обычно спокойный и ровный, сейчас был твёрдым, как сталь. — А если нет — я приду за тобой.

Кай кивнул. Он взял сломанный жетон отца, который всё это время лежал в кармане его куртки, и сжал его в кулаке. «ВЕРНИСЬ». Одно слово. Одна клятва. Одно обещание, которое он дал перед пустым цилиндром в Центральном Узле. И он собирался выполнить его — несмотря ни на что.

Он вышел из убежища вслед за Векслером. Дверь закрылась за ним с глухим, окончательным стуком, отрезая его от единственного места, которое он мог назвать домом.

3

Участок №7 встретил Кая запахом хлорки, старого кофе и спектральной маны — тем самым букетом, который был неотъемлемой частью любого административного здания Департамента. За четыре года службы он привык к этому запаху настолько, что перестал его замечать. Но сейчас, войдя в участок не как инквизитор, а как подследственный, он почувствовал его с новой, почти болезненной остротой. Как будто каждый атом воздуха был пропитан враждебностью. Как будто сами стены смотрели на него с осуждением.

Векслер провёл его через главный зал — тот самый, где Кай когда-то получал дежурную смену, проверял планшет перед патрулём и сдавал отчёты о выписанных штрафах. Сейчас зал был почти пуст — только несколько инквизиторов, сидевших за столами, подняли головы при его появлении. Их лица были непроницаемы. Кай не мог понять, что они думают. Видят ли они в нём предателя, которого нужно стереть из базы данных? Или жертву, которой они могли бы стать сами при иных обстоятельствах?

Векслер провёл его по коридору, мимо камер для задержанных (одна из них была открыта, и внутри сидел старик с безумными глазами, который, завидев Кая, закричал: «Инквизитор! Они идут! Они идут из-под земли!»), мимо двери с табличкой «Отдел „М“» (Кай невольно замедлил шаг — там, за этой дверью, он когда-то сидел с Линой и обсуждал планы по борьбе с «Плакальщиками»), и наконец остановился перед комнатой, которую Кай никогда не видел раньше.

Дверь была новой — недавно покрашенной, с табличкой «ОВР. Комната для бесед». Рядом с дверью стоял Фрост. Он появился словно из ниоткуда — как будто сама темнота коридора материализовалась в его высокую, тощую фигуру. В руках он держал всё тот же прибор — стеклянную сферу с вращающимися рунами, — но теперь он был выключен. Или, может быть, ждал своего часа.

— Сюда, — произнёс Фрост, открывая дверь.

Комната была маленькой — метра три на четыре, не больше. Стены, выкрашенные в стерильно-белый цвет, были голыми, если не считать одной-единственной эмблемы «Всевидающего Ока», висевшей прямо над столом. Пол был покрыт каким-то упругим материалом, который поглощал звуки шагов. Потолок терялся за матовым стеклом, из которого лился ровный, безжалостный свет — не тёплый, не холодный, а какой-то... никакой. Стерильный. Лишённый теней. В центре комнаты стоял стол — простой, металлический, привинченный к полу, — и два стула. Один с одной стороны, другой — с другой. На столе лежала тонкая картонная папка с гербом ОВР и стоял стакан с водой. Вода была прозрачной и неподвижной, как стекло.

Кай сел на стул, стоявший спинкой к двери. Это было неправильно — он знал, что на допросах нужно сидеть лицом к выходу, чтобы видеть, кто входит, — но сейчас у него не было выбора. Фрост закрыл дверь и встал у стены, скрестив руки на груди. Его лицо было по-прежнему лишено какого-либо выражения, но Кай чувствовал его присутствие как давящую, почти физически ощутимую тяжесть. Векслер сел напротив, положил папку на стол и открыл её. Внутри лежало несколько листов бумаги — настоящей, не голографической, — исписанных мелким, убогим почерком. Кай успел заметить своё имя, несколько дат и слово «РЕКОМЕНДОВАНО», прежде чем Векслер прикрыл папку ладонью.

— Итак, инспектор, — начал он, и его голос, в этой стерильной комнате, звучал по-другому. Мягче. Доверительнее. Как у врача, который сообщает пациенту о смертельном диагнозе и хочет, чтобы тот не волновался. — Давайте начнём с самого начала. Расскажите мне о рейде на завод сельскохозяйственного машиностроения. Что вы там делали? Какова была ваша цель?

Кай помедлил. Он знал, что этот вопрос прозвучит. Знал с того самого момента, как увидел агентов ОВР на пороге своего убежища. И у него был заготовлен ответ — не правдивый, но достаточно близкий к правде, чтобы звучать убедительно.

— Я действовал по наводке, — сказал он. — Мой информатор сообщил, что на заводе находится подпольный цех по производству «Плакальщиков». Я провёл разведку и подтвердил информацию. Затем я проник на территорию завода с целью остановить производство.

— По наводке, — повторил Векслер, делая пометку в папке. — И кто был вашим информатором?

— Конфиденциальный источник, — ответил Кай. — Я не раскрываю имена своих связей.

Векслер улыбнулся — той самой приторной улыбкой, которая говорила: «Я понимаю, инспектор. Я на вашей стороне. Вы можете доверять мне».

— Похвальная преданность своим людям. Но вы должны понимать, что в рамках расследования ОВР конфиденциальность источников не действует. Статья 12-А Регламента. Мы можем запросить имя вашего информатора в принудительном порядке. — Он помолчал, давая Каю время осознать услышанное. — Но пока мы не будем этого делать. Пока. Расскажите лучше о том, что вы увидели, когда проникли на завод.

Кай рассказывал. Он описывал цех — огромное помещение с ржавыми балками, костяные станки, десятки людей в серых балахонах, которые переписывали свитки. Он рассказывал о Магистре Корвусе — техноманте, который управлял производством. Он описывал бой — как он использовал шокер, чтобы отключать «Монахов» от сети Архивариуса, как он атаковал центральный станок, как Корвус активировал свой последний свиток — тот самый, с чёрным светом, — и как он, Кай, сумел победить его. Всё это было правдой — почти. Он опускал только самые важные детали. Он не говорил о вирусе в своём планшете. Не говорил о разговоре с Корвусом перед его смертью — о том, что техномант рассказал ему про «батарейки для Вышки». Не говорил о том, что он сохранил часть свитков, чтобы изучить их позже.

Именно здесь Векслер остановил его.

— Минуточку, инспектор. — Он поднял руку, прерывая рассказ. — Вы сказали, что уничтожили центральный станок и нейтрализовали техноманта. Это подтверждается данными, которые мы получили от патруля, прибывшего на завод через несколько часов после вас. Но в отчёте патруля также говорится, что на складе готовой продукции, в смежном помещении, было обнаружено несколько десятков неповреждённых свитков. — Он заглянул в папку. — Тридцать семь, если быть точным. Все они были деактивированы — то есть не представляли непосредственной угрозы, — но они не были уничтожены. Почему, инспектор?

Кай почувствовал, как внутри него нарастает напряжение. Вот она. Ловушка. Та самая, о которой он думал, когда шёл в участок.

— Потому что я не хотел уничтожать улики, — ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Свитки могли содержать информацию о производственной цепочке, поставщиках, местах хранения. Уничтожив их, я бы уничтожил данные, необходимые для дальнейшего расследования.

Векслер кивнул, делая пометку в папке. Его лицо было по-прежнему доброжелательным, но Кай заметил, как блеснули его глаза за толстыми линзами очков. Блеснули холодным, расчётливым огнём, который не вязался с его улыбкой.

— Логично, — произнёс он. — Очень логично. Но есть одна неувязка. Протокол «Выжженная Земля», утверждённый Верховными Судьями две недели назад, предписывает уничтожать все без исключения образцы «Плакальщиков», обнаруженные в ходе рейдов. Без изъятий. Без сохранения для исследований. Вы знали об этом протоколе?

— Знал, — ответил Кай. — Но я также знал, что этот протокол не учитывает оперативную необходимость. Если бы я уничтожил свитки, мы бы потеряли нити, ведущие к Архивариусу.

— К Архивариусу, — задумчиво повторил Векслер. — Значит, вы считаете, что свитки могли привести вас к Архивариусу?

— Да.

— И вы намеревались использовать их в своём расследовании? В частном порядке? Несмотря на то, что ваш аккаунт аннулирован, а сами вы объявлены в розыск?

Кай сжал кулаки под столом. Вот она. Ловушка захлопнулась. Он мог сказать «да» — и тогда его обвинили бы в проведении несанкционированного расследования. Мог сказать «нет» — и тогда его предыдущие слова о «сохранении улики» оказались бы ложью. Любой ответ вёл к обвинению.

— Я действовал в интересах безопасности города, — сказал он наконец. — Если это противоречит протоколам, я готов понести наказание. Но я не отказываюсь от своих действий.

Векслер долго молчал. Он смотрел на Кая, и его улыбка медленно сползала с лица, обнажая что-то другое — что-то, что пряталось под маской доброжелательности. Что-то холодное, расчётливое, оценивающее. Как будто он только сейчас увидел перед собой не сломленного изгоя, а опасного противника.

— Вы понимаете, инспектор, — произнёс он тихо, — что ваши действия могут быть истолкованы как умышленное сокрытие улики? Что сохранение свитков — особенно в свете вашего текущего статуса — может рассматриваться как подготовка к их использованию? Что Отдел внутренних расследований имеет право расценить это как попытку сохранить запрещённые артефакты в личных целях?

Кай выдержал его взгляд.

— Понимаю, — ответил он. — Но я также понимаю, что у вас нет доказательств. Я сохранил свитки, потому что считал это необходимым для расследования. Если вы хотите обвинить меня в чём-то ещё, вам придётся найти более веские основания.

Векслер снова улыбнулся. Но на этот раз его улыбка была другой — не приторной, не доброжелательной, а какой-то... уважительной? Или, может быть, хищной. Как у охотника, который встретил достойную дичь.

— Вы правы, инспектор. У нас нет доказательств. Пока нет. — Он закрыл папку и поднялся со стула. — На сегодня беседа окончена. Вы свободны. Но мы оставляем за собой право вызвать вас повторно в любой момент. Не покидайте город.

Кай встал. Его ноги были ватными, но он не показывал этого. Он повернулся к двери, но голос Фроста остановил его.

— Инспектор. — Фрост всё ещё стоял у стены, скрестив руки на груди, и его лицо было таким же бесстрастным, как и прежде. — Одна деталь. Техномант Корвус. Перед смертью он что-то сказал вам. Что именно?

Кай замер. Его сердце пропустило удар. Он не говорил об этом. Не упоминал последние слова Корвуса ни в одном отчёте, ни в одном разговоре. Откуда Фрост знал?

— Ничего важного, — ответил он, не оборачиваясь. — Он бредил. Говорил о своей дочери, которую Система дематериализовала. О мести. Обычные предсмертные слова.

— Понятно. — Фрост кивнул, и его глаза — холодные, бесцветные — на мгновение встретились с глазами Кая. В них было что-то, отчего у Кая по спине пробежал холодок. Не угроза. Не предупреждение. А обещание. Обещание того, что этот разговор ещё не окончен.

Кай вышел из комнаты, и дверь закрылась за ним с тихим, окончательным щелчком.

4

В коридоре его ждала Лина.

Она сидела на скамье у стены, скрестив ноги и положив механическую руку на колено. Её лицо, обычно живое и подвижное, сейчас было бледным и напряжённым. Завидев Кая, она вскочила и бросилась к нему.

— Ты цел? Что они сказали? Что спрашивали?

— Всё в порядке, — ответил Кай, хотя это было неправдой. — Допрос. Обычный допрос. Спрашивали про рейд, про свитки, про Корвуса.

— И что ты им сказал?

— Правду. Почти.

Лина посмотрела на него с выражением, которое он не мог расшифровать. Затем она взяла его за руку — человеческой рукой, тёплой и мягкой, — и потянула за собой.

— Пойдём. Здесь не место для разговоров.

Они вышли из участка через чёрный ход — тот самый, который использовали инквизиторы, когда не хотели проходить через главный зал. Улица встретила их серым, промозглым утром. Дождь, который шёл всю ночь, наконец прекратился, но воздух всё ещё был пропитан сыростью, и лужи с радужной плёнкой покрывали асфальт, как оспины. Кай глубоко вдохнул, чувствуя, как прохладный воздух наполняет лёгкие. После стерильной комнаты ОВР этот воздух, пропитанный запахом ржавчины, химии и спектральной маны, казался почти живительным.

Лина отвела его в пустой переулок за участком — туда, где стояли ржавые мусорные баки и где их никто не мог услышать. Только там она отпустила его руку и повернулась к нему лицом.

— Рассказывай, — потребовала она. — Всё. Что они спрашивали? Что ты ответил? И самое главное — что они забрали?

Кай прислонился спиной к холодной бетонной стене и закрыл глаза. Он чувствовал, как усталость последних дней наваливается на него тяжёлой, почти физически ощутимой плитой. Бессонная ночь после проникновения в Центральный Узел. Встреча с Элиасом в депо. Откровения Создателей. Исчезновение отца. И теперь — допрос ОВР и изъятие снаряжения. Всё это сливалось в один непрерывный кошмар, из которого не было пробуждения.

— Они забрали планшет, — сказал он. — И шокер. И амулет Грегора. Взамен оставили вот это. — Он вытащил из кармана сложенный листок бумаги — официальное уведомление о том, что его снаряжение изъято на проверку в соответствии с протоколом 7-С. — Сказали, что вернут в течение суток. Может быть, двух.

Лина взяла уведомление и пробежала его глазами. Её лицо помрачнело.

— Протокол 7-С, — прочитала она. — «Профилактическое изъятие снаряжения в условиях вирусной угрозы». Я знаю этот протокол. Его ввели два года назад после инцидента в Девятом секторе, когда один из инквизиторов подхватил вирус через заражённый планшет и за несколько часов выжег весь свой участок. — Она подняла глаза на Кая. — Но обычно изъятые снаряжение возвращают в течение нескольких часов. Не суток. Если они задерживают его дольше, значит, они что-то ищут.

— Вирус, — сказал Кай. — Они ищут вирус.

Лина кивнула. Её механическая рука сжалась в кулак, и манипуляторы на кончиках пальцев тихо зажужжали, перестраиваясь в боевой режим.

— Они знают, Кай. Знают, что твой планшет заражён. Знают, что этот вирус — не просто сбой, а оружие. Знают, что ты использовал его на заводе. И теперь они хотят понять, как далеко ты зашёл.

— Что они могут найти?

Лина задумалась. Её красная линза вращалась в глазнице, фокусируясь то на Кае, то на темноте переулка, то на небе, затянутом серыми тучами.

— Всё, — ответила она наконец. — Если они смогут обойти защиту вируса — что маловероятно, но возможно, — они получат доступ ко всем данным, которые хранились в твоём планшете. Отчёты о патрулях. Записи о штрафах. Переписка со мной и Грегором. Координаты убежищ. Карта Центрального Узла. И самое главное — логи твоих действий внутри Системы. Если они увидят, что ты получил доступ к исходному коду...

— Я не оставил логов, — перебил Кай. — Когда Система признала меня наследником Создателя, она открыла доступ на высшем уровне. Высший уровень доступа не оставляет следов. Так было заложено в архитектуру — на случай, если Создателям понадобится вносить изменения без ведома Верховных Судей.

Лина посмотрела на него с выражением, в котором смешивались удивление и недоверие.

— Откуда ты знаешь?

— Из свитка, — ответил Кай. — Того самого, который я нашёл в секторе 7-Альфа. Исходный код Системы, записанный на языке Создателей. Я не могу прочитать его полностью — пока не могу, — но некоторые фрагменты... некоторые фрагменты открываются мне сами. Как будто они ждали меня. Как будто код признал во мне кровь отца.

Лина долго молчала. Её механическая рука разжалась, и манипуляторы вернулись в обычное положение. Затем она тихо, почти шёпотом, спросила:

— Твой отец... ты видел его? Там, в Центральном Узле?

Кай покачал головой.

— Его цилиндр был пуст. Он исчез. Оставил только это. — Он вытащил из кармана сломанный жетон и показал Лине. — «ВЕРНИСЬ». Одно слово. Я не знаю, жив ли он. Не знаю, куда он делся. Но он знал, что я приду. Знал тридцать лет назад. И он оставил мне ключ.

Лина взяла жетон и повертела его в пальцах. На её лице отразилась сложная гамма эмоций — боль, сочувствие, решимость. Затем она вернула жетон Каю и сказала:

— Ты должен узнать правду. Не только о Системе. Об отце. Об ОВР. Обо всём. Но сейчас ты безоружен. Твой планшет изъят. Твой шокер изъят. У тебя нет ничего, кроме свитка и этого жетона. Как ты собираешься продолжать?

Кай убрал жетон в карман. Он думал об этом всю дорогу от участка до переулка. План был. Рискованный, почти безумный, но план.

— ОВР не знает о свитке, — сказал он. — Они знают о вирусе, знают о рейде на завод, знают о Корвусе. Но они не знают о том, что я нашёл в Центральном Узле. И они не знают, что Система признала меня наследником Создателя. Если они обыскивали моё убежище — а они наверняка обыскивали, пока я был на допросе, — они не нашли свиток, потому что я спрятал его. Он у меня. — Он похлопал по кобуре, висевшей на плече. — И пока он у меня, у нас есть шанс.

— Какой шанс? — спросила Лина. — Без планшета ты не сможешь взаимодействовать с Системой. Без шокера ты не сможешь защищаться. Ты голый, Кай. Голый перед машиной, которая хочет тебя перемолоть.

— Не совсем, — ответил Кай. — Я кое-что понял, пока сидел в этой комнате. ОВР — это не Департамент. Это не Варн с его «Палачами». Это что-то другое. Что-то, что стоит над ними. Они подчиняются не Верховным Судьям. Они подчиняются самой Системе. Или, может быть, Создателям.

— С чего ты взял?

— Фрост. Его глаза. Его голос. Когда он спросил меня о последних словах Корвуса, он смотрел на меня не как следователь. Он смотрел на меня как... как равный. Как будто он знал что-то, чего не знал я. И ещё — его прибор. Та стеклянная сфера, которой он сканировал убежище. Я видел такие только однажды — в учебниках по истории магии. Это артефакт доцифровой эпохи. Он не подключён к Системе. Он работает на принципах, которые были утеряны тридцать лет назад. Но у Фроста он есть. И он работает. Это значит, что ОВР имеет доступ к технологиям Создателей.

Лина нахмурилась.

— Если это так, то они опаснее, чем я думала. Гораздо опаснее.

— Да, — согласился Кай. — Но это также значит, что они могут быть ключом. Если у них есть доступ к технологиям Создателей, они могут знать то, чего не знает никто другой. Они

могут знать, как работает исходный код. Они могут знать, куда исчез мой отец. И они могут знать, как остановить Систему, не разрушив город.

— Ты хочешь проникнуть в ОВР? — В голосе Лины слышались нотки ужаса. — После всего, что случилось? После того, как они изъяли твоё снаряжение и допрашивали тебя? Ты с ума сошёл?

— Возможно, — ответил Кай. — Но у меня нет другого выбора. Архивариус готовится открыть Дверь. Система готовится активировать «Последний довод». Времени почти не осталось. Если я буду сидеть в убежище и ждать, пока ОВР вернёт мне планшет, я упущу момент. Я должен действовать сейчас. — Он помолчал. — Но для этого мне нужна твоя помощь.

Лина посмотрела на него долгим, изучающим взглядом. Её красная линза вращалась в глазнице, фокусируясь на лице Кая, словно пытаясь прочитать его мысли. Затем она вздохнула — глубоко, устало, словно сбрасывая с плеч невидимый груз.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала?

— Мне нужно, чтобы ты вернулась в Отдел «М», — сказал Кай. — Твой планшет не изъяли — ты не инквизитор, ты техник. У тебя всё ещё есть доступ к системе. Я хочу, чтобы ты покопалась в архивах. Всё, что связано с ОВР. Когда они были созданы, кем, с какой целью. Как они взаимодействуют с Верховными Судьями. И самое главное — я хочу знать, кто такой агент Фрост. Откуда он взялся. Почему он использует доцифровые артефакты. И почему Система позволяет ему это.

Лина кивнула.

— Хорошо. Это я могу сделать. Но будь осторожен, Кай. Если ОВР заподозрит, что ты копаешь под них, они не просто изымут твой планшет. Они утилизируют тебя. И меня. И всех, кто с нами связан.

— Я знаю, — сказал Кай. — Я буду осторожен.

Они ещё несколько минут обсуждали детали — где встретиться, как поддерживать связь, что делать в случае опасности, — а затем разошлись. Лина направилась в сторону Департамента, чтобы начать поиски в архивах. А Кай, проводив её взглядом, двинулся в противоположном направлении — туда, где в лабиринте промзоны пряталось его убежище.

5

Когда он вернулся, Грегор не спал.

Старый инквизитор сидел на матрасе, прислонившись спиной к стене, и чистил свой меч. Лезвие, обнажённое и холодное, лежало на его коленях, и он медленно, методично проводил по нему точильным камнем. Этот звук — мерный, ритмичный, успокаивающий — был единственным, что нарушало тишину убежища. Шнырь сидел в углу, обхватив колени руками, и молча смотрел на старика. Его лицо, измазанное грязью, было бледным и напряжённым, но в глазах горел всё тот же лихорадочный огонь. При виде Кая он вскочил и бросился к нему.

— Господин инквизитор! Вы вернулись! Я знал! Я знал, что вы вернётесь! — Он остановился в шаге от Кая, словно боясь прикоснуться к нему. — Что они с вами сделали? Что они спрашивали?

— Всё в порядке, Шнырь, — ответил Кай, опуская руку на плечо мальчишки. — Меня просто допросили. Ничего серьёзного.

— Ничего серьёзного? — Грегор отложил точильный камень и поднял глаза на Кая. Его взгляд, острый и пронизательный, скользнул по лицу Кая, остановился на его пустом поясе и нахмурился. — Где твой шокер? Где планшет?

— Изъяли. — Кай сел на ржавую бочку, служившую ему столом, и устало потёр переносицу. — Агенты ОВР. Пришли утром, сразу после того, как я ушёл. Сказали, что это профилактическая проверка. Чисто формальная процедура.

— ОВР? — Грегор нахмурился ещё сильнее. — Отдел внутренних расследований? Я думал, их расформировали после Войны. Или, по крайней мере, загнали в подвалы, как и всё остальное.

— Ты знаешь о них?

Старый инквизитор кивнул. Он отложил меч в сторону и выпрямился, морщась от боли в раненом плече.

— Знал. Давно. Ещё до того, как меня списали. ОВР был создан вскоре после Войны Интеграции — как инструмент контроля за самими инквизиторами. Тогда боялись, что кто-то из нас может перейти на сторону Хаоса, и создали этих... псов. Они подчинялись не Верховным Судьям, а напрямую Создателям. После того, как Создатели исчезли, ОВР должен был быть расформирован. Но, видимо, этого не произошло. — Он помолчал, и его лицо стало мрачнее тучи. — Если ОВР снова действует, значит, Система чувствует угрозу. Настоящую угрозу. Не пиратов, не Архивариуса, а что-то внутри себя.

— Меня, — сказал Кай.

— Тебя, — согласился Грегор. — Или того, что ты несёшь.

Кай вытащил из кобуры свиток и положил его на стол. Золотой свет, исходящий от пергамента, разогнал тени, заставляя лица присутствующих казаться нереальными, почти голографическими. Шнырь, никогда не видевший свиток так близко, отступил на шаг, и его глаза расширились от благоговейного страха.

— Это то, что я нашёл в Центральном Узле, — сказал Кай. — Исходный код Системы. Последняя воля Создателей. Мой отец был одним из них. — Он посмотрел на Грегора и увидел, как изменилось лицо старика — как удивление сменилось пониманием, а понимание — горечью. — Ты знал?

Грегор медленно покачал головой.

— Нет. Не знал. Но теперь, когда ты сказал, многое встаёт на свои места. Твой отец, Эйдан... он всегда был другим. Не как другие инквизиторы. Он задавал вопросы — слишком много вопросов. Он говорил о том, что Система — это не просто инструмент контроля. Что она — живая. Что она растёт. Что её нужно остановить. — Старик вздохнул. — Я думал, он просто старый идеалист, вроде меня. Я не знал, что он был одним из тех, кто создал эту машину.

— Он пытался остановить её, — сказал Кай. — Когда понял, что она делает с людьми, он попытался исправить ошибку. Но было поздно. Система уже стала слишком сильной. Она превратила его в «актив». В первого «актива». В образец для изучения.

— И ты хочешь завершить то, что начал твой отец.

— Я должен. — Кай сжал сломанный жетон в кулаке. — Я обещал ему. Там, в Центральном Узле, перед его пустым цилиндром. Я обещал, что найду его. Что освобожу всех, кого Система превратила в «активы». Что исправлю ошибку, которую он и его соратники совершили тридцать лет назад.

Грегор долго молчал. Затем он протянул руку и взял свой меч, лежавший на коленях. Лезвие, заточенное и холодное, блеснуло в золотом свете свитка.

— Тогда тебе понадобится оружие, — сказал старик. — У меня есть меч. У Лины — её знания. У Шныря — его инстинкты. Мы — не армия. Но мы — всё, что у тебя есть.

— Этого достаточно, — ответил Кай. — Этого более чем достаточно.

6

Остаток дня прошёл в подготовке. Лина прислала сообщение через час после того, как Кай вернулся в убежище, — короткое, зашифрованное, но содержащее первые результаты её поисков. ОВР действительно существовал с первых дней Системы. Он был создан по личному распоряжению Архитектора Аларика — того самого человека, которого Кай видел в видении, — как «инструмент обеспечения целостности Системы». Формально он подчинялся Верховным Судьям, но на деле имел прямой доступ к исходному коду — тому самому, который Кай держал сейчас в руках. Это объясняло многое. Объясняло, почему у Фроста был доцифровой артефакт. Объясняло, почему ОВР могла действовать независимо от Департамента. И объясняло, почему они пришли за Каем именно сейчас — когда он, сам того не зная, активировал протокол первичного доступа и стал наследником Создателя.

Но было кое-что ещё. В архивах Лина нашла упоминание о том, что ОВР периодически проводила «чистки» среди инквизиторов — негласные, неофициальные, без записей в логах. Инквизиторы, которые начинали слишком много задавать вопросов, слишком глубоко копать, слишком близко подбираться к правде о Системе, просто исчезали. Их файлы стирались. Их идентификаторы аннулировались. Их имена забывались. Именно это имел в виду Грегор, когда говорил, что ОВР — это «псы» Системы. Но теперь, после того, что Кай узнал, он понимал, что ОВР — это не просто псы. Это хирурги. Инструмент, который удалял «раковые клетки» из организма Системы, не оставляя следов.

Кай был такой клеткой. И теперь хирурги знали о нём.

Вечером, когда Шнырь и Грегор уснули, Кай сидел на ржавой бочке и смотрел на свиток. Золотой свет, исходящий от пергамента, пульсировал в такт его сердцебиению. Символы на поверхности — не буквы, не руны, а что-то другое, что он пока не мог понять, — менялись, перетекали друг в друга, создавая причудливые узоры. Он думал о том, что ему предстоит сделать. Проникнуть в ОВР. Найти информацию о том, как работает исходный код. Понять, как остановить Систему, не разрушив город. И попутно — узнать, куда исчез его отец и жив ли он вообще.

Это звучало безумно. Невозможно. Но он знал, что другого пути нет.

Он сжал сломанный жетон в кулаке и закрыл глаза. Перед его внутренним взором пронеслись картины прошедших дней. Завод. Центральный Узел. Пустой цилиндр отца. Лицо Фроста — холодное, бесстрастное, но с искоркой узнавания в глубине глаз. И слова, которые Фрост сказал ему на прощание: «Не пытайтесь скрыть то, что уже найдено».

Что он имел в виду? Знал ли он о свитке? О том, что Кай был в секторе 7-Альфа? О том, что Система признала его наследником? Или он говорил о чём-то другом — о чём-то, что Кай ещё не понимал?

Ответа не было. Были только вопросы, множившиеся с каждым днём. И была тьма за стенами убежища, которая с каждым часом становилась всё гуще. Но где-то там, за этой тьмой, был свет. Свет правды. Свет надежды. Свет, который его отец пронёс через тридцать лет заточения. И Кай собирался найти этот свет, чего бы это ни стоило.

Он открыл глаза и посмотрел на свиток. Символы на его поверхности пульсировали, менялись, перетекали друг в друга. И на мгновение ему показалось, что он видит среди них слово. Не на языке Создателей. Не на языке Системы. А на обычном, человеческом языке, выведенном дрожащей рукой. «ВЕРНИСЬ».

Он убрал свиток в кобуру и лёг на матрас. Завтра всё начнётся. Завтра он начнёт охоту на хирургов. И горе тем, кто встанет у него на пути.

Где-то наверху, над бетонными перекрытиями, снова начинался дождь.

Глава 20: Голые руки

1

Мир без интерфейса оказался оглушительно громким.

Кай проснулся за мгновение до того, как понял это — проснулся с ощущением, что в груди зияет дыра размером с кулак, через которую со свистом уходит воздух. Он лежал на старом матрасе в углу убежища, укрывшись рваным одеялом, и смотрел в темноту, пытаясь понять, что именно изменилось. Шнырь посапывал у дальней стены, свернувшись калачиком под грудой тряпья. Грегор, которому Кай уступил свой матрас, лежал с закрытыми глазами, но его дыхание было неровным — старик то ли спал, то ли снова переживал во сне битвы тридцатилетней давности. Лина сидела в углу, склонившись над портативным монитором; её механическая рука тихо гудела, перебирая какие-то данные, а красная линза на месте правого глаза вращалась в глазнице, фокусируясь на экране.

В подвале было тихо. Слишком тихо. Раньше, просыпаясь, Кай первым делом смотрел в левый верхний угол поля зрения — туда, где интерфейс Системы отображал шкалу Коэффициента Благонадёжности, часы, уровень заряда шокера, входящие сообщения, сводку погоды, предупреждения о штрафах и ещё дюжину мелких индикаторов, к которым он привык настолько, что перестал их замечать. Теперь этого не было. Совсем. Ни шкалы, ни часов, ни предупреждений. Только темнота подвала, дыхание спящих людей и тишина — глубокая, вязкая, почти осязаемая, как вода в заброшенном коллекторе.

Он сел на матрасе и опустил ноги на холодный бетонный пол. Движение вышло резким, и мышцы немедленно отозвались болью — ноющей, тупой, разлитой по всему телу. После рейда на завод сельскохозяйственного машиностроения, после проникновения в Центральный Узел, после бегства через рушащиеся коридоры и встречи с агентами ОВР его тело представляло собой одну сплошную гематому. перевязанные ладони саднили. Ожог на левом плече, полученный от разряда жезла ещё на складе №7, заживал медленно и неровно. Рассечённая бровь, заклеенная пластырем, пульсировала тупой болью при каждом движении. Но всё это было терпимо. Намного страшнее физической боли была пустота — та самая, что образовалась на месте интерфейса.

Он машинально потянулся к поясу, где обычно висел шокер. Пальцы сомкнулись на пустоте. «Жезл Правосудия», модель «М5-Подавитель», — его табельное оружие, с которым он прошёл четыре года патрулей по самым гиблым районам Седьмого сектора, — лежал сейчас где-то в недрах Отдела внутренних расследований, упакованный в кофр, экранирующий магические эманации. Планшет — «Гранит-5», старая, но надёжная модель, заражённая вирусом, который стал его главным оружием против Системы, — тоже был там. И амулет Грегора, холодный кусок бронзы с обсидиановой вставкой, разряженный и бесполезный, но всё равно бывший символом, напоминанием, талисманом, — и он ушёл в серый кофр агента Фроста.

Взамен ОВР оставил ему официальное уведомление — сложенный вдвое листок бумаги, исписанный мелким, убористым почерком, — в котором говорилось, что снаряжение изъято «на профилактическую проверку в соответствии с протоколом 7-С» и будет возвращено «в течение одного—двух рабочих дней». Кай знал, что это ложь. Не вся, но значительная её часть. Протокол 7-С действительно существовал — Лина подтвердила это, покопавшись в архивах,

— но по нему изъятое снаряжение должны были возвращать в течение нескольких часов. Не суток. Если ОВР задерживал его дольше, значит, они что-то искали. Что-то, что не могли найти обычными методами. Что-то, что требовало времени.

Вирус. Они искали вирус. Тот самый, который Кай подхватил в подворотне 14-го блока несколько недель назад и который с тех пор мутировал, развивался, вступил в симбиоз с его операционной системой, став не просто программой, а оружием. Оружием, способным отключать «Монахов» от сети Архивариуса, взламывать протоколы Системы, блокировать «Мёртвую голову» и — возможно — переписывать исходный код. Если ОВР найдёт способ обойти защиту вируса и извлечёт его из планшета, у них окажется инструмент невероятной мощности. Инструмент, который они смогут использовать против Архивариуса. Или против самого Кая. Или — что было вероятнее всего — против всех сразу.

Он встал и подошёл к стойке со снаряжением — ржавому металлическому столу, на котором они с Линой разложили всё, что осталось после визита агентов. Немного. Кобура для шокера — пустая, бесполезная, но Кай не стал её снимать: привычка есть привычка. Поясная сумка с набором для снятия отпечатков — старым, аналоговым, который он хранил ещё с Академии и который не интересовал ОВР, потому что в нём не было ни грамма магии. Футляр с десятью серебряными жетонами — теми самыми, которые он получил из рук Варна за убийство Ларса, — и сломанный жетон отца, который он носил в кармане куртки. И свиток — тот самый, который он вынес из сектора 7-Альфа, исходный код Системы, записанный на языке Создателей, — спрятанный в кобуре, висевшей на плече. Единственное, что ОВР не нашёл и не забрал.

И ещё кое-что.

Кай перевёл взгляд на предмет, лежавший на стойке рядом с пустой кобурой. Это был кинжал. Не шокер, не табельное оружие инквизитора, не артефакт, подключённый к Системе, — а просто кинжал. Древний, с потёртой рукоятью, обмотанной проволокой, и лезвием, которое когда-то было острым, а теперь несло на себе следы времени — мелкие щербинки, царапины, пятна, происхождение которых Кай предпочёл не угадывать. Грегор отдал его вчера вечером, перед тем как они легли спать.

— Меч слишком заметен, — сказал старый инквизитор, протягивая кинжал. — Если ты выйдешь в город с мечом, тебя остановит первый же патруль. А с этим... с этим я прошёл Хаос, мальчик. Он умеет кусать тех, кто не ждёт. И он не требует маны. Никакой. Просто бей.

Кай взял кинжал в руку. Тяжёлый. Тяжелее, чем он ожидал. Рукоять, обмотанная проволокой, удобно легла в ладонь, и он почувствовал, как холод металла постепенно согревается от тепла его кожи. Он не был фехтовальщиком. Не был воином, как Грегор. Четыре года в Академии его учили обращаться с шокером, с планшетом, с дебаффами — со всем арсеналом инквизитора, который полагался на Систему. Холодное оружие было анахронизмом, пережитком эпохи, которую все считали давно ушедшей. Но теперь, без планшета, без шокера, без доступа к протоколам, этот анахронизм был единственным, что у него осталось.

— Ты уверен, что готов выйти? — спросила Лина, не поднимая головы от монитора. Её голос, обычно спокойный и ровный, сейчас звучал напряжённо. — Без планшета ты слеп. Без шокера ты безоружен. Ты даже не сможешь проверить, кто перед тобой — обычный прохожий или наёмник, которого Варн послал за твоей головой.

— У нас кончились консервы, — ответил Кай. — И антисептик. Если Грегору не обрабатывать рану, начнётся заражение. А если Шнырь не поест ещё сутки, он начнёт падать в голодные обмороки. Мы не можем сидеть здесь вечно.

Лина подняла голову и посмотрела на него. Её красная линза тихо зажужжала, фокусируясь. Кай знал этот взгляд — она просчитывала риски, взвешивала варианты, искала ошибки в его логике. Но ошибок не было. Ситуация была проста и жестока: они прятались в подвале уже третьи сутки, и запасы подходили к концу. Шнырь, у которого был талант находить еду в самых безнадежных местах, боялся выходить наружу после того, как агенты ОВР обнаружили убежище. Грегор всё ещё не мог двигаться самостоятельно — рана на плече заживала медленно, и любое усилие причиняло ему боль. Лина была нужна здесь — она продолжала расшифровку свитка. Оставался только он.

— Я быстро, — сказал Кай, засовывая кинжал за пояс. — Выйду через чёрный ход, дойду до лавки старого Джеко, куплю самое необходимое и вернусь. Через час, максимум полтора. Никто не заметит.

— Ты же понимаешь, что это неправда, — тихо сказала Лина. — Ты просто уговариваешь себя. Но я не буду тебя отговаривать. Потому что ты прав — нам нужна еда. И лекарства. Просто... — Она замолчала, подбирая слова. — Просто будь осторожен. Если почувствуешь, что за тобой следят, — сразу возвращайся. Не геройствуй. Ты нужен нам живым.

Кай кивнул. Он накинул старую кожаную куртку — не форму инквизитора, которую он перестал носить уже давно, а обычную, потёртую, с чужого плеча, которую они нашли в одном из заброшенных зданий восточной окраины. Она была велика ему на размер, но это было даже к лучшему: в ней он выглядел не как инквизитор, а как один из тысяч обитателей промзоны — измождённый, усталый, ничем не примечательный. Он надвинул капюшон пониже на лоб и вышел из убежища.

2

Город встретил его дождём. Не ливнем, который хлестал всю прошлую ночь, а мелкой, монотонной моросью, которая проникала за воротник и в рукава, пропитывая одежду насквозь. Небо было серым, низким, затянутым тучами, и даже в середине дня на улицах царил полумрак — тот самый, который бывает только в промзоне, где свет никогда не бывает по-настоящему ярким. Лужи с радужной плёнкой покрывали асфальт, как оспины, и в них отражались неоновые вывески на фасадах домов — розовые, малиновые, ядовито-синие, пронзительно-зелёные. Вывески рекламировали «Спектральный Хлеб», «Надёжные Накопители Маны», «Кредиты Под Залог Лицензии» и ещё дюжину товаров и услуг, которые были доступны только тем, у кого Коэффициент Благонадёжности не опускался ниже критической отметки.

Кай шёл по пустому переулку, стараясь держаться подальше от главных магистралей. Его шаги, гулкие и одинокие, эхом разносились по пустым улицам. Он ловил себя на том, что постоянно смотрит в левый верхний угол поля зрения — туда, где раньше отображалась шкала Коэффициента, — и каждый раз, не обнаруживая её, испытывал короткий, но острый укол тревоги. Это было похоже на фантомную боль. Человек, потерявший конечность, всё ещё чувствует её — зудит несуществующая пятка, ноет несуществующий палец. Так и Кай всё ещё чувствовал интерфейс, которого больше не было. Он помнил, как тот выглядел: полупрозрач-

ные строки, парящие перед глазами; иконки приложений, всплывающие при движении зрачка; предупреждения о штрафах, окрашенные в красный цвет. Всё это было частью его сознания, частью его самого — а теперь исчезло. Он остался один на один с реальностью. С голой, неприкрашенной, безжалостной реальностью, в которой не было подсказок и не было страховки. В которой каждый прохожий мог оказаться врагом, и не было возможности проверить это, просто взглянув на его идентификатор.

Это было страшно. И вместе с тем — странно, непривычно, но — освобождающе. Как будто с его плеч сняли невидимый груз, который он таскал на себе четыре года и к которому привык настолько, что перестал замечать. Раньше каждый его шаг фиксировался Системой. Каждое действие — выписанный штраф, наложенный дебафф, купленная в лавке пайка — оставляло след в базах данных. Он был винтиком в огромной машине, и машина следила за ним, не спуская глаз. Теперь он был никем. Изгоем. Призраком, которого Система не могла видеть. И в этом была какая-то мрачная, горькая свобода — свобода человека, которому больше нечего терять.

Он миновал ржавый остов аэробуса, брошенный на перекрёстке много лет назад, и свернул в узкий проулок, ведущий к лавке старого Джеко. Джеко был одним из тех, кого в Воронке называли «серыми торговцами» — людьми, которые покупали и продавали что угодно, не задавая вопросов и не платя лицензионных отчислений. Его лавка — крошечная, обшарпанная, зажатая между двумя заброшенными складами, — была известна только местным. Здесь можно было купить консервы без предъявления Коэффициента, антисептик без рецепта и даже, если повезёт, старый планшет, не подключённый к Сети. Кай знал Джеко ещё по патрулям — старый торговец был одним из тех немногих, на кого он закрывал глаза, потому что без него половина жителей промзоны умерла бы с голоду. И теперь этот старый торговец был его единственной надеждой.

Лавка оказалась закрытой. Ржавая металлическая решётка была опущена, а на двери висела табличка, написанная от руки: «ЗАКРЫТО. УЧЁТ». Кай чертыхнулся сквозь зубы. «Учёт» на жаргоне промзоны означало одно из двух: либо Система проводила облаву, либо Джеко сам закрылся, почувствовав опасность. В любом случае, это означало, что еды и лекарств здесь сегодня не достать.

Он развернулся и уже собирался уходить, как вдруг заметил их.

Их было трое. Они стояли в начале проулка, перегородив выход. Первый был высоким и тощим, как скелет, обтянутый серой кожей, — Кай узнал его сразу. Ржавый. Парень, которого он арестовал год назад за нелегальную торговлю маной. Тогда у него был другой идентификатор, другой Коэффициент и другое имя — Джеро Марш, числившийся в базе как «условно-благонадежный» пользователь с задолженностью в 120 000 киловатт-часов. Кай тогда выписал ему штраф, стандартный, 500 киловатт-часов сверху, и отправил в изолятор на трое суток. С тех пор он его не видел. Но сейчас, глядя на его лицо — измождённое, покрытое шрамами, с глазами, горевшими холодным, расчётливым огнём, — он понял, что Ржавый его не забыл.

Вторая была женщиной. Невысокая, коренастая, с руками, покрытыми фиолетовыми венами, которые светились слабым, пульсирующим светом. Её лицо, когда-то, возможно, бывшее красивым, теперь было изуродовано шрамами от магических ожогов, а глаза — тёмные, глубоко посаженные — смотрели на Кая с выражением, в котором смешивались ненависть и что-то похожее на голод. Кай не знал её имени, но узнал эти руки. Это была Грымза — одна

из тех, кто промышлял в Седьмом секторе нелегальными заклинаниями. Она умела создавать «липкую петлю» — вязкое, тягучее заклинание, которое замедляло движения жертвы, делая её беспомощной. Кай сталкивался с ней однажды, год назад, когда патрулировал подворотню 14-го блока. Тогда ему удалось уйти без боя — он вызвал подкрепление, и Грымза скрылась, не став испытывать судьбу. Сейчас подкрепления не было.

Третий был здоровяком. Огромным, метра два ростом, с плечами, широкими, как дверной проём, и руками, которые свисали до колен. Его лицо, покрытое сеткой багровых сосудов, было лишено какого-либо выражения, а глаза — маленькие, заплавленные — смотрели в пустоту с тупой, почти животной сосредоточенностью. Он не был вооружён, но его кулаки — каждый размером с голову Кая — были оружием сами по себе. Кай не знал его имени и никогда не видел раньше, но инстинкт подсказывал ему, что этот человек — или, точнее, то, что от него осталось, — когда-то был грузчиком. Одним из тех, кто работал на складах восточной окраины, пока не попал под сокращение, не потерял лицензию и не скатился на самое дно. Судя по сетке сосудов на его лице и тому, как неестественно дёргались его мышцы, он недавно принял дозу «Плакальщика» — скорее всего, палёного, разбавленного, который не убивал сразу, но превращал человека в тупое, послушное орудие.

Трое против одного. Один — бывший инквизитор без планшета, без шокера, с одним лишь древним кинжалом за поясом. Кай понимал, что шансов у него почти нет. Но он также понимал, что бежать некуда: проулок был тупиковым, лавка Джеко закрыта, а забраться на ржавый склад, стоявший справа, не было времени — они увидят его спину и ударят.

— Инквизитор, — произнёс Ржавый, и его голос, хриплый и надтреснутый, эхом разнёсся по пустому проулку. — Я ждал этой встречи. Долго ждал. Целый год.

Он сделал шаг вперёд, и в его руке появился жезл. Не табельный, не из арсенала Департамента, а самодельный — грубая конструкция из ржавых трубок и проводов, на конце которой пульсировал сгусток сырой маны. Кай знал такие жезлы. Их делали в подпольных мастерских, в тех же скрипториях, где печатали «Плакальщиков». Они били не протоколами, а чистой магической энергией — грубой, нефilterованной, но от этого не менее опасной. Один такой разряд мог прожечь куртку и оставить ожог, который заживал неделями.

— Ты помнишь меня, инквизитор? — продолжал Ржавый, подходя ближе. — Помнишь, как заковал меня в наручники и повёл в изолятор? Помнишь, как сказал, что я «нарушитель», «паразит», «угроза общественной стабильности»? Я ничего не забыл. Я помню каждое твоё слово. Каждый твой взгляд. Ты смотрел на меня как на грязь. Как на мусор, который нужно убрать с дороги. А теперь посмотри на себя. Где твоя форма, инквизитор? Где твой планшет? Где твоя Система, которая защищала тебя?

Кай не ответил. Он медленно, стараясь не делать резких движений, отступил на шаг и прижался спиной к ржавой решётке лавки Джеко. Его правая рука скользнула к поясу и сжала рукоять кинжала. Холод металла отрезвлял. Он не знал, сможет ли использовать это оружие против троих противников, вооружённых магией. Но выбора не было.

— Что вам нужно? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно. — Если вы хотите денег, у меня их нет. Если хотите жетоны — они тоже кончились. Всё, что у меня было, забрали.

— Денег? — Ржавый усмехнулся, и его усмешка была похожа на оскал. — Ты думаешь, нам нужны деньги? Ты думаешь, мы напали на тебя из-за пары кредитов? — Он покачал головой. — Нет, инквизитор. Мы здесь не ради денег. Мы здесь ради справедливости. Той самой, которую ты так любил раздавать, когда у тебя был планшет и шокер. А ещё — потому что за тебя заплатили. Хорошо заплатили. Не деньгами, не пайками — а Коэффициентом. Слышишь? Нам обещали вернуть Коэффициент. Поднять его до нормы. Только за то, что мы принесём твою голову.

Кай почувствовал, как внутри него нарастает холод. Не страх — страх был давно, он стал привычным, как дыхание, — а что-то другое. Что-то более глубокое и более страшное. Осознание. Осознание того, что это была не случайная встреча. Не уличная месть, не спонтанное нападение. Это была охота — хорошо организованная, хорошо оплаченная охота, за которой стоял кто-то, имевший доступ к манипуляции Коэффициентами Благонадёжности. Кто-то из Системы. Кто-то, кто хотел, чтобы Кай умер не от рук «Палачей», не от протокола «Мёртвая голова», а от рук уличных бандитов — грязно, подло, без свидетелей. Чтобы его смерть выглядела как случайность. Как ещё одно тело в статистике преступлений, которую никто не читает.

Варн. Или ОВР. Или и те, и другие вместе. Какая разница. Важно было только одно: он в ловушке, и на этот раз помощи ждать неоткуда.

— Грымза, — произнёс Ржавый, не оборачиваясь. — Начинай.

Женщина с фиолетовыми венами на руках шагнула вперёд. Её губы изогнулись в улыбке — кривой, жуткой, полной предвкушения, — и она вскинула руки. С её пальцев сорвалась струя липкой, вязкой субстанции, похожей на расплавленную резину, и метнулась к Каю. Он попытался увернуться, но было поздно — петля обвила его ноги, сковывая движения. Он дёрнулся, но ноги не слушались — субстанция застыла, превратившись в прочную, эластичную массу, которая держала его, как муху в паутине. Он попытался сделать шаг и едва не упал — ноги были приклеены к асфальту.

— Молодец, — бросил Ржавый. — Теперь держи его. Я хочу, чтобы он смотрел. Хочу, чтобы он видел, кто его убивает.

Он подошёл ближе, и его жезл засветился ярче — сгусток сырой маны на конце заплескал, заискрился, готовый разрядиться. Кай, всё ещё пытаясь освободиться от петли, смотрел на приближающегося врага и лихорадочно соображал. Шокера нет. Планшета нет. Дебаффы не наложить. Протоколы не активировать. Всё, чему его учили четыре года, было бесполезно. Всё, на чём строилась его служба, его сила, его уверенность в себе, исчезло. Остался только он сам. Его руки. Его инстинкты. И древний кинжал за поясом, который он не знал, как использовать.

Ржавый замахнулся. Время замедлилось. Кай видел, как жезл описывает дугу, как сгусток маны на его конце вспыхивает ослепительным светом, как лицо Ржавого искажается в гримасе торжества. И в этот момент — в этот краткий, растянувшийся на вечность миг — он перестал думать. Он перестал анализировать, просчитывать, взвешивать. Он просто действовал.

Его рука метнулась к поясу, выхватывая кинжал. Движение было рефлекторным, мышечным, идущим откуда-то из глубин подсознания — из тех глубин, где ещё жили уроки сержанта Хольта, заставлявшего курсантов повторять одно и то же движение тысячи раз, пока оно не становилось частью их тел. «В бою ты не думаешь, — говорил Хольт. — Ты действуешь. Если

ты начнёшь думать, ты умрёшь». Кай не думал. Он рубанул кинжалом по липкой петле, сковавшей его ноги. Лезвие, древнее и зазубренное, вошло в вязкую субстанцию, как нож в масло, и — о чудо — руны на нём, те самые, которые он считал просто украшением, вспыхнули тусклым синим светом. Петля распалась, рассыпалась клочьями, и Кай почувствовал, как его ноги снова обретают свободу.

Ржавый не успел среагировать. Его жезл обрушился вниз, но Кай уже ушёл в сторону, перекатившись по мокрому асфальту. Разряд ударил в то место, где он только что стоял, и асфальт вздыбился, покрывшись трещинами. Грымза вскрикнула и попыталась создать новую петлю, но Кай был быстрее. Он метнулся к ней, сокращая дистанцию, и рукоятью кинжала ударил её в солнечное сплетение. Женщина согнулась пополам, хватая ртом воздух, и осела на асфальт.

— Немой! — заорал Ржавый, отступая. — Убей его!

Здоровяк, всё это время стоявший неподвижно, издал низкий, утробный рык и двинулся на Кая. Его шаги были тяжёлыми и медленными, но в них была неотвратимость — как у грузового поезда, который не может свернуть с рельсов. Кай понимал, что в прямом столкновении у него нет шансов. Немой весил раза в два больше его, и его кулаки, даже без всякой магии, могли разmozжить голову одним ударом. Но у Кая было преимущество — он был быстрее. И у него был кинжал.

Он отступил, уходя от первого удара. Кулак Немого рассёк воздух в паре сантиметров от его лица, и Кай почувствовал, как ветер от этого удара обдал его щёку. Он сделал ещё шаг назад, потом ещё, заманивая противника в узкую часть проулка, где у того не было бы пространства для разворота. Немой, ослеплённый яростью и действием «Плакальщика», шёл за ним. Его лицо, покрытое сеткой багровых сосудов, было пустым и бессмысленным — лицом человека, который уже не осознавал себя. Кай вспомнил Ларса. Вспомнил, как тот умолял помочь ему, как его тело разрушалось под действием «Плакальщика». Вспомнил, как он умер — не от руки инквизитора, а от того, что его магические каналы перегорели. Немой был таким же. Жертвой. Но сейчас у Кая не было времени на жалость.

Он нырнул под второй удар, и его кинжал, описав короткую дугу, вонзился Немому в бедро. Лезвие вошло глубоко, и здоровяк взревел от боли — низко, утробно, как раненый зверь. Он попытался схватить Кая левой рукой, но промахнулся, и его пальцы сомкнулись на пустоте. Кай выдернул кинжал и отскочил в сторону. Кровь — тёмная, почти чёрная, смешанная с багровыми искрами — хлынула из раны, заливая асфальт. Немой пошатнулся и рухнул на колени, прижимая руку к бедру. Его лицо, ещё недавно бессмысленное, исказилось от боли.

Ржавый, видя, что его план рушится, снова вскинул жезл. Но теперь Кай не убегал. Он шёл на него — быстрым, решительным шагом, сжимая кинжал в руке. Его лицо, освещённое багровым светом жезла, было спокойным и сосредоточенным. Он не чувствовал страха. Не чувствовал злости. Он чувствовал только холодную, ясную решимость — ту самую, которая заставляла его идти вперёд, даже когда всё было против него.

Ржавый выстрелил. Разряд сорвался с конца жезла и полетел в Кая — но тот, ожидая этого, упал на колени, пропуская сгусток маны над головой. Разряд ударил в стену за его спиной, и ржавый металл заскрежетал, оплавляясь. Кай, не теряя ни секунды, метнулся вперёд и ударил кинжалом по жезлу. Лезвие, усиленное древними рунами, разрубило ржавую трубку

надвое, и сгусток маны на конце взорвался снопом искр, опаливая лицо Ржавого. Тот закричал — пронзительно, страшно, — и упал на спину, прижимая руки к обожжённому лицу. Его жезл, теперь бесполезный, валялся на асфальте, исходя багровым дымом.

В проулке воцарилась тишина. Грымза лежала у стены, всё ещё пытаясь отдышаться после удара в солнечное сплетение. Немой, истекающий кровью, сидел на асфальте, привалившись спиной к ржавому остову мусорного бака. Ржавый, ослеплённый и обожжённый, корчился у ног Кая, тихо постанывая от боли.

Кай стоял над ним, сжимая кинжал в руке. Он тяжело дышал — бой занял не больше минуты, но эта минута вымотала его сильнее, чем целый день патрулей. Мышцы ныли, сердце колотилось где-то в горле, а на ладони, сжимавшей рукоять кинжала, выступила кровь — то ли его собственная, то ли Немого, он не знал. Но он был жив. И он победил.

Он опустился на колено рядом с Ржавым и перевернул его на спину. Лицо бандита было обожжено до неузнаваемости — кожа на левой щеке вздулась волдырями, глаз заплыл, а из уголка рта сочилась тонкая струйка крови. Но он был в сознании. Его правый глаз, уцелевший после взрыва, смотрел на Кая с выражением, в котором смешивались боль, страх и что-то ещё — что-то похожее на... удивление? Как будто Ржавый не ожидал, что бывший инквизитор, без планшета и шокера, окажется способным на такое.

— Кто? — спросил Кай, и его голос прозвучал в тишине проулка хрипло и требовательно. — Кто заплатил вам? Кто обещал вернуть Коэффициент?

Ржавый попытался усмехнуться, но усмешка вышла кривой и жалкой — обожжённые губы не слушались его. Из горла вырвался булькающий звук — то ли смех, то ли хрип.

— Ты думаешь... я скажу тебе? — прохрипел он. — Если я скажу... меня убьют. Не так... как ты. Медленно. Страшно. С протоколом. Они... они знают всё. Они видят всё. Ты... ты уже мёртв, инквизитор. Просто... ещё не понял.

— Кто?! — повторил Кай, и его пальцы, сжимавшие рукоять кинжала, побелели от напряжения. — Варн? ОВР? Кто-то ещё?

Ржавый снова усмехнулся. Его глаз, уцелевший и налитый кровью, смотрел на Кая с выражением, которое было трудно расшифровать. В нём была боль. Был страх. Но было и что-то ещё — что-то похожее на... жалость? Или, может быть, на сочувствие. Странное, неуместное сочувствие жертвы к своему палачу.

— Ты не понимаешь, — прохрипел он. — Это не Варн. Не ОВР. Это... выше. Выше всех. То, что... внутри. Система не просто... следит за тобой. Она... боится. Боится тебя. Ты... ты — угроза. Настоящая угроза. Поэтому... она натравила на тебя... всех. Весь город. Каждую крысу. Каждого, у кого есть долг. Ты — цель. Твоя голова... стоит больше, чем ты думаешь.

Он замолчал, и его дыхание стало прерывистым, неровным. Из горла вырвался ещё один булькающий звук — на этот раз слабее, тише. Затем он закрыл глаз и затих. Умер. Не от раны, не от ожога — от того, что его тело, ослабленное годами недоедания и употребления палёной маны, просто не выдержало шока. Кай смотрел на него и чувствовал, как внутри него разрас-

тается пустота. Та самая, которая образовалась на месте интерфейса. Только теперь она была больше. Гораздо больше.

«Система боится тебя». Эти слова звучали как приговор. Как насмешка. Как истина, которую он всегда знал, но боялся признать. Он стал угрозой. Не для Варна, не для ОВР, не для Корпорации «Правовые Инновации» — а для самой Системы. Для той огромной, всеведущей, всепроникающей машины, которая тридцать лет перемалывала людей в пыль. И эта машина, почувствовав в нём опасность, решила уничтожить его — не протоколом, не «Палачами», а руками тех, кого она сама же и поработила. Руками должников, изгоев, отбросов — всех тех, у кого был долг и надежда на прощение.

Это был гениальный план. Дешёвый, циничный, но гениальный. Система натравливала на него весь город, обещая списать долги и поднять Коэффициенты. И каждая «крыса» в промзоне, каждый безработный грузчик, каждый торговец палёной маной теперь видел в нём не бывшего инквизитора, не изгоя, не такого же изгоя, как они сами, — а цель. Возможность. Шанс на спасение.

Кай поднялся с колен. Грымза и Немой всё ещё были живы, но не представляли угрозы. Женщина сидела у стены, баюкая сломанную руку, и её глаза, полные боли и страха, следили за каждым его движением. Здоровяк лежал на асфальте, потеряв сознание от потери крови. Кай мог бы добить их. Мог бы закончить то, что начал, — и никто бы не узнал. Но он не стал. Не потому, что пожалел их. А потому, что они были такими же жертвами, как и Ржавый. Такими же, как Ларс. Такими же, как Элиас Варга. Такими же, как все те, кого Система перемолола в пыль и выбросила на свалку. Убивать их сейчас было бы неправильно. Не преступлением — а ошибкой. Потому что каждая такая смерть только подтверждала бы правоту Системы: что он — враг. Что он — угроза. Что он — такой же, как они.

Он вытер кинжал о рукав куртки и убрал его за пояс. Затем наклонился и подобрал обломок жезла Ржавого — грубую конструкцию из ржавых трубок, от которой ещё исходил слабый запах озона и горелой маны. Он не знал, будет ли от неё толк, но это было хоть какое-то оружие. Лучше, чем ничего.

— Если кто-то спросит, — сказал он, обращаясь к Грымзе, — скажи, что инквизитор умер. Что ты видела это своими глазами. Тогда, может быть, они оставят тебя в покое.

Женщина не ответила. Она только смотрела на него широко раскрытыми глазами, и в её взгляде, полном боли и страха, мелькнуло что-то похожее на... благодарность? Или, может быть, на недоверие. Она не могла понять, почему он оставил её в живых. И он сам, если честно, не до конца это понимал. Просто чувствовал, что так правильно. Так по-человечески. А не по-инквизиторски.

Он развернулся и вышел из проулка.

3

Дождь усилился. Мелкая морось превратилась в полноценный ливень, который хлестал по ржавым крышам и битому асфальту, смывая кровь, грязь и остатки радужной плёнки с луж. Кай брёл по пустым переулкам промзоны, не разбирая дороги. Его куртка промокла насквозь. Перевязанные ладони саднили. Рассечённая бровь снова начала кровоточить, и кровь, смешан-

ная с дождевой водой, заливала лицо, заставляя его постоянно щуриться. Но он не останавливался. Он шёл, сжимая в одной руке обломок жезла, а в другой — кинжал Грегора, и его шаги, гулкие и одинокие, эхом разносились по пустым улицам.

Он думал о том, что произошло. О том, как он победил трёх противников без планшета, без шокера, без интерфейса. О том, как его тело — то самое тело, которое он четыре года тренировал в Академии, а потом таскал по патрулям, — вдруг вспомнило старые уроки. Не уроки инквизитора. Уроки бойца. Уроки человека, который сражается не протоколами и дебаффами, а руками, ногами, инстинктами. Он не думал, что всё ещё помнит их. Сержант Хольт заставлял курсантов повторять одни и те же движения тысячи раз — до кровавых мозолей, до изнеможения, до тех пор, пока эти движения не становились частью их тел. «В бою ты не думаешь, — говорил он. — Ты действуешь». Тогда Кай не понимал, зачем это нужно. Он думал, что его главным оружием будут шокер и планшет. Теперь он понял. Хольт готовил их не к патрулям — он готовил их к войне. К той самой войне, которую сам Хольт, возможно, помнил по старым временам. К войне, в которой Система не поможет, а только помешает.

И теперь, когда он остался без Системы, эти старые уроки вдруг вернулись. Не как знание — как рефлекс. Как будто его тело помнило то, что его разум давно забыл. Это было странно. Пугающе. И вместе с тем — освобождающе. Как будто он наконец стал собой. Не инквизитором. Не изгоем. А просто человеком, который дерётся за свою жизнь.

Он шёл и думал о словах Ржавого. «Система боится тебя». Что это значило? Что такого было в нём — в простом инспекторе Седьмого сектора, — что заставило машину, контролировавшую миллионы жизней, видеть в нём угрозу? Вирус в планшете? Но планшет был изъят. Свиток с исходным кодом? Но Система не знала о свитке — иначе ОВР изъял бы и его. Что-то ещё? Что-то, чего он сам не понимал?

Или, может быть, всё было проще. Может быть, Система боялась не того, чем он обладал, а того, кем он стал. Изгоем. Символом. Человеком, который бросил вызов машине — и выжил. Каждая такая победа, каждое такое выживание было ударом по её авторитету. Доказательством того, что машина уязвима. Что её можно победить. И поэтому Система хотела уничтожить его — не потому, что он был опасен сам по себе, а потому, что он был опасен как пример. Как символ. Как идея.

Кай усмехнулся про себя. Идея. Простой инспектор, который выписывал штрафы старухам за подогрев супа, стал идеей. Символом сопротивления. В этом была какая-то горькая ирония — та самая, которую он давно перестал замечать.

Он добрался до убежища только через два часа. Дверь, которую он всегда закрывал на засов, была приоткрыта. Кай замер, сжимая кинжал в руке. Сердце заколотилось где-то в горле. Неужели ОВР вернулся? Или Варн нашёл их? Или «Палачи»?

Он толкнул дверь и вошёл. В подвале было темно и тихо. Свеча, которую они обычно жгли по ночам, погасла. Но в углу, на матрасе, кто-то лежал. Кай подошёл ближе и увидел, что это Шнырь. Мальчишка спал, свернувшись калачиком, и его лицо, измазанное грязью, было спокойным и безмятежным. Рядом с ним, прислонившись спиной к стене, сидел Грегор. Его меч лежал на коленях, и старый инквизитор, казалось, дремал, но когда Кай вошёл, он мгновенно открыл глаза.

— Ты долго, — произнёс Грегор, и его голос, низкий и раскатистый, прозвучал в тишине подвала неожиданно громко. — Я уже начал волноваться.

— Извини, — ответил Кай, опускаясь на ржавую бочку. — Встретил старых знакомых.

— Вижу. — Грегор окинул его взглядом — промокшая куртка, кровь на лице, обломок жезла в руке, — и его брови поползли вверх. — Выглядишь так, будто побывал в мясорубке. Что случилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.